

**МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ АСПЕКТЫ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Сборник научных трудов

**Краснодар
2026**

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
КУБАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ АСПЕКТЫ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Сборник научных трудов

Краснодар
2026

УДК 81
ББК 81
М 43

Редколлегия:

Н. Н. Оломская, д-р филол. наук, профессор, Т. Ф. Лимарева,
канд. филол. наук, доцент, О. В. Спачиль, канд. филол. наук, доцент

М 43 Междисциплинарные аспекты лингвистических исследований: сборник научных трудов / под редакцией А. В. Зиньковской, В. В. Катерминой, С. Х. Липириди, А. М. Прима, А. В. Самойловой; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Кубанский государственный университет. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2026. – 546 с. – 500 экз.
ISBN 978-5-8209-2758-4

В сборнике представлены статьи по актуальным лингвистическим направлениям (социолингвистике, когнитивной лингвистике, лингвострановедению, теории и практике перевода), а также по смежным с языкознанием гуманитарным дисциплинам, без которых немислима коммуникативная деятельность. Междисциплинарный подход, характеризующий единство гуманитарной области – лингвистики, переводоведения, психологии, методики преподавания иностранных языков, подчеркивает тенденцию, способствующую целостному анализу изучаемых языковых и культурологических явлений.

Адресуется филологам, преподавателям гуманитарных дисциплин, аспирантам, студентам, а также всем, кто исследует процессы общения и технологии обучения иностранным языкам в поликультурной среде, стремится к поиску средств обеспечения продуктивного межкультурного диалога.

УДК 81
ББК 81

ISBN 978-5-8209-2758-4

© Кубанский государственный
университет, 2026

АНТИПОСЛОВИЦЫ КАК МЕХАНИЗМ КУЛЬТУРНОЙ РЕФЛЕКСИИ: ИГРОВАЯ ДЕКОНСТРУКЦИЯ И УКРЕПЛЕНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ

А.Р. Нурутдинова

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань

В статье исследуется феномен антипословиц – креативных трансформаций классических пословиц как значимого механизма культурной рефлексии. Автор рассматривает антипословицу как форму языковой игры, осуществляющую деконструкцию традиционных смыслов и норм. Через иронию и пародию данный феномен не только подвергает сомнению устоявшиеся максимы, но и участвует в актуализации культурного кода. Парадоксальным образом игровое переосмысление способствует укреплению групповой идентичности, создавая пространство для коллективного обсуждения и переоценки ценностей в меняющемся социуме.

Ключевые слова: антипословица, культурная рефлексия, языковая игра, деконструкция, пословичный фонд, коллективная идентичность, традиция и инновация.

В эпоху ускоренной модернизации и глобализации, характеризующейся трансформацией традиционных социальных институтов и ценностных систем, вопрос о механизмах адаптации и рефлексии культурного кода приобретает особую остроту. Устойчивые элементы культуры, такие как паремиологический фонд, оказываются в фокусе напряжённого диалога между традицией и инновацией. В этом контексте особый исследовательский интерес представляет феномен антипословицы как креативной трансформации классической пословичной формулы, которая, сохраняя узнаваемую оболочку, радикально инвертирует или искажает её исходный смысл. Актуальность данной статьи обусловлена необходимостью осмысления того, как в рамках языковой игры происходит не девальвация, а сложная диалектическая *актуализация традиции*, позволяющая сообществу одновременно критически осмысливать своё наследие и консолидироваться вокруг нового, разделяемого понимания действительности.

Проблема исследования заключается в кажущемся парадоксе: *каким образом деструктивный, на первый взгляд, акт игрового разрушения канонического текста (пословицы) выполняет конструктивную социокультурную функцию – укрепления групповой идентичности?* Антипословица, функционируя как механизм деконструкции вступает в сложные отношения, обнажая внутренние противоречия и историческую обусловленность «вечных истин» [1]. Как отмечал Ж. Деррида, деконструкция рождается «не из смеси, но из напряжения между памятью, верностью <...> и, в то же время, гетерогенностью, чем-то абсолютно новым, разрывом» [4, с. 12]. Именно это напряжение между «памятью» (традиционной формой) и «разрывом» (новым, часто ироническим содержанием) и составляет суть изучаемого феномена.

Степень научной разработанности вопроса междисциплинарна. Основы паремииологии заложены в трудах В.И. Даля, Г.Л. Пермякова, исследовавших поговорку как стабильный конденсированный знак культурного опыта. Лингвистические аспекты языковой игры и комического получили фундаментальную разработку в работах Е.Г. Борисовой, В.З. Санникова, Н.Д. Арутюновой. Собственно антипословица как системный объект стала предметом пристального внимания относительно недавно, в рамках когнитивной лингвистики и лингвокультурологии [3; 6; 7]. При этом в отечественной науке недостаточно изученной остаётся именно *социокультурная и идентификационная функция* этого феномена. Теоретической основой для такого анализа служит, во-первых, концепция деконструкции Ж. Деррида, которая понимается не как разрушение, а как *«тщательное выявление воюющих сил означения внутри самого текста»* [4, с. 45], что идеально описывает процесс переосмысления поговорки. Во-вторых, это социально-конструктивистский подход к идентичности [2], согласно которому идентичность непрерывно создается и поддерживается в коммуникативных практиках, к которым, несомненно, относится и циркуляция антипословиц.

Целью данной статьи является исследование антипословицы как феномена культурной рефлексии, выполняющего двойственную функцию: игровой деконструкции устоявшихся культурных смыслов и укрепления групповой идентичности через разделяемое ироническое переживание традиции.

Для достижения поставленной цели в работе решаются следующие задачи:

1. Определить онтологический статус антипословицы, выявив её дифференциальные признаки по отношению к классической поговорке и иным формам языковой игры.

2. Проанализировать лингвистические и риторические механизмы деконструкции (ирония, пародия, амбивалентность) на материале конкретных примеров.

3. Выявить социально-культурные функции антипословиц в процессах групповой (поколенческой, профессиональной, субкультурной) самоидентификации.

4. Обосновать роль антипословиц в диалектике традиции и инновации, показав, как их бытование способствует актуализации и адаптации культурного кода к меняющимся условиям.

Объектом исследования выступает корпус современных русскоязычных антипословиц, извлечённых из дискурса интернет-коммуникации, массмедиа и устного общения. Предмет исследования – лингвокультурные механизмы и социопсихологические функции, реализуемые в процессе их создания и воспроизводства. Теоретико-методологическую базу составляют принципы культурной семиотики, рассматривающей текст как знак культуры; теория языковой игры; концепция деконструкции Ж. Деррида; социально-конструктивистский подход к анализу идентичности.

Классическая поговорка, как ключевая единица паремииологического фонда, традиционно воспринимается в науке как *стабильный конденсированный*

знак *коллективного опыта* и ее онтологический статус долгое время определялся через признак «*замкнутой формы клише*», то есть неизменяемости и недополняемости в речи, что было фундаментальным тезисом структурной паремиологии [5, с. 15]. Эта устойчивость обеспечивается фиксированным лексическим составом, формульной структурой и дидактической семантикой, что позволяет пословице выполнять функции *трансляции культурных норм, сохранения картины мира и социального регулирования* [9, с. 31]. Однако, как справедливо замечает Е.И. Селиверстова, именно эта устойчивость и узнаваемость формы создает основу для последующих трансформаций, поскольку «*разрушения выражений не происходит, поскольку в новых единицах проступает пословичная форма и логико-синтаксическая модель*» [10, с. 459]. Таким образом, стабильность пословицы является не абсолютной, а диалектической, предполагающей возможность вариативности на основе устойчивого инварианта.

На этом фоне антипословица возникает как феномен, принципиально меняющий парадигму восприятия паремии: если пословица утверждает максимум, то антипословица – *игровым образом её оспаривает, инвертирует или пародирует* [9]. Семиотически антипословица представляет *вторичный знак*, существующий только в диалоге с первичным (канонической пословицей) и ее сущность определяется не самостоятельным содержанием, а *отношением различия* с оригиналом.

Ключевым отличием антипословицы от иных форм языковой игры (каламбура, анекдота) является её *обязательная прецедентность*. Антипословица всегда отсылает к конкретному, широко известному пословичному тексту, в то время как каламбур может быть построен на любой языковой единице, а анекдот – на ситуативном сюжете. Как точно определяют О.А. Хопияйнен и Н.В. Филимонова, антипословица – это «*изречение, представляющее собой результат языковой игры с пословицей <...> в соответствии с новыми жизненными ситуациями*» [12, с. 12] и данная связь «*ситуация – игра*» является конструктивным принципом антипословицы.

Создание антипословиц подчиняется системе регулярных *деформационных стратегий*, которые можно типологизировать по уровню и характеру вмешательства в исходный текст:

1. Семантическая инверсия: прямое отрицание или переворачивание смысла оригинала. Например, дидактическое «*Век живи – век учись*» (Даль) трансформируется в гедонистическое «*Век живи – век учись, а дураком помрешь*» или в прагматичное «*Век живи – век лечись*». Здесь меняется не форма, а ценностная установка.

2. Лексическая подстановка: замена одного или нескольких компонентов пословицы на современные, часто сниженные или жаргонные эквиваленты, что создает эффект отстранения («*Баба с возу – волки сыты*» вместо «*...кобыле легче*») [10, с. 460].

3. Контаминация (склеивание): объединение фрагментов двух или более пословиц в единое высказывание, порождающее новый, часто абсурдный смысл («*Пьяному море по колено, а рыбка из пруда*»).

4. Доведение до абсурда (гиперболизация): развитие и буквализация метафоры, заложенной в пословице, до логического предела. Классический пример – многочисленные вариации на тему «*Чем дальше в лес...*», которые обрастают конкретикой: «*...тем больше дров*», «*...тем толще партизаны*», «*...тем ближе к выходу*» и т.д.

Эти механизмы работают не изолированно, а в комбинации, обеспечивая бесконечное семантическое и прагматическое разнообразие антипословичного творчества.

В терминах постструктуралистской философии создание антипословицы можно описать как акт *игровой деконструкции*. Если деконструкция, по Ж. Деррида, есть «*понимание посредством разрушения стереотипа или включения в новый контекст*» [4, с. 5], то антипословица осуществляет ровно эту операцию: она *разбирает* устойчивую бинарную оппозицию «*мудрость/глупость*», «*польза/вред*», заложенную в пословице, и *обнажает* её условность. Антипословица вступает с оригиналом в диалог, где традиционный текст становится материалом для нового высказывания.

Главным инструментом деконструкции выступает *ирония*. Иронический модус позволяет говорящему дистанцироваться от нормативной истинности пословицы, подвергнуть её сомнению, не отвергая полностью. Антипословица «*Тише едешь – дальше будешь от пункта назначения*» сохраняет форму народной мудрости, но наполняет её содержанием, *актуальным для современного урбанистического мира*, где медлительность приводит к провалу. Ирония выполняет критическую функцию, указывая на разрыв между традиционным советом и современной реальностью.

Близким к иронии, но структурно сложным механизмом является *пародия*. Пародийное удвоение заключается в точном копировании формы исходного высказывания при кардинальном изменении его содержательного или стилистического регистра. Например, возвышенно-поэтическая формула «*Дети – цветы жизни*» в антипословичной версии («*Дети – цветы жизни, но не надо давать им распускаться*») обретает бытовое, даже циничное звучание [10, с. 461]. Пародия не отрицает, а *создает комический эффект за счет контраста* между ожидаемой высокой максимой и предложенной низкой, приземленной интерпретацией. Рассмотрим механизм деконструкции на примере пословицы «*Старый друг лучше новых двух*».

– Семантическая инверсия: «*Новый друг лучше старых двух*» – прямое отрицание ценности старой дружбы в пользу новизны.

– Лексическая подстановка и доведение до абсурда: «*Старый друг лучше новых двух, но хуже новой подруги*» – традиционная максима сталкивается с гендерным стереотипом, а дихотомия «старое/новое» усложняется введением третьего элемента.

– Контаминация и ирония: «*Старый друг лучше новых двух, но дорожке в ремонте*» – ценность дружбы переводится в прагматическую, материальную плоскость, что создает иронический эффект.

Во всех случаях происходит *подрыв безусловного авторитета* исходной максимы. Антипословица задает вопрос: всегда ли это так? актуально ли это для меня? Таким образом, она превращает пассивное воспроизведение культурного кода в активный акт его критического переосмысления.

Парадоксальность антипословицы заключается в том, что выполняя деконструктивную, критическую функцию, она одновременно выполняет функцию *консолидирующую*. Разрушая единый смысл традиционной пословицы, антипословица создает *новое общее символическое пространство* для тех, кто понимает иронию и разделяет скрытую в ней критику, таким образом, данное пространство строится не на единодушном согласии с нормой, а на *разделяемом опыте её проблематизации*.

В этом качестве антипословица становится эффективным маркером *групповой идентичности*. Употребление или создание определенных антипословиц сигнализирует о принадлежности к конкретному сообществу: поколенческому (например, антипословицы, обыгрывающие реалии цифровой эпохи), профессиональному (врачебный, учительский, программистский фольклор), субкультурному. Как отмечают П. Бергер и Т. Лукман, идентичность конструируется и поддерживается в процессах социального взаимодействия, и язык является ключевым инструментом конструирования [2, с. 84]. Совместная игра с языковыми формулами становится ритуалом, укрепляющим границы «своих». Ключевым условием функционирования антипословицы является *эффект узнавания* [3]. Антипословица работает только тогда, когда адресат опознает исходный текст. Момент узнавания – это момент установления *коммуникативной общности*. Разделяемый юмор, основанный на общей культурной памяти и критическом взгляде на традицию, становится мощным фундаментом для неформальной солидарности [11]. Критика через смех оказывается менее конфронтационной, но не менее эффективной.

В эпоху цифровых коммуникаций эти процессы усилились. Антипословица стала прототипом интернет-мема – формата, также основанного на узнаваемом шаблоне (визуальном или текстовом) и его вариативном наполнении. Циркуляция антипословиц в соцсетях, мессенджерах, комментариях превращает их в *актуальный фольклор*, который создается и распространяется коллективно, фиксируя сиюминутные общественные настроения, страхи, иронию по поводу текущих событий. Это уже не просто языковая игра, а инструмент *совместного смыслопорождения* в быстро меняющемся мире [6]. Таким образом, антипословица выполняет *парадоксальную функцию консервации традиции через её инновацию*. Активно играя с формой и смыслом пословиц, сообщество носителей языка *не забывает их, а постоянно актуализирует*, чтобы создать или понять антипословицу, необходимо знать оригинал. Следовательно, сам процесс деконструкции *удерживает традиционный текст в активном культурном обороте* [8], не давая ему превратиться в музейный экспонат.

Антипословица выступает как *лакмусовая бумага общественных изменений*. Трансформации, которым подвергаются пословицы, отражают сдвиги в системе ценностей, появление новых социальных практик, изменение отношения к традиционным институтам. Переосмысление пословиц о труде, семье, государстве в современном антипословичном творчестве – это форма *коллективной рефлексии* над тем, что из наследия прошлого остается непреложным, а что требует пересмотра.

Наконец, через антипословицу происходит *интеграция новых смыслов в устойчивый культурный нарратив*. Она служит мостом между архаичной формой и современным содержанием. Некоторые удачные антипословицы, часто повторяясь, сами становятся новыми устойчивыми формулами, обогащая паремиологический фонд, что свидетельствуют о её *жизнеспособности и адаптивности*. Антипословица доказывает, что традиция жива тогда, когда с ней можно вести диалог, даже если этот диалог строится на иронии и пародии. В этом заключается её фундаментальная роль как механизма культурной рефлексии и динамического обновления идентичности.

Проведенное исследование позволяет утверждать, что феномен антипословицы представляет собой *сложный и продуктивный механизм культурной рефлексии*, функционирующий на пересечении традиции и инновации. Сформулированная в начале работы гипотеза о двойственной природе антипословицы – как инструмента критической деконструкции культурных максим и средства поддержания жизнеспособности традиционного кода – нашла свое полное подтверждение.

Обобщая основные результаты, следует констатировать, что антипословица является не маргинальной языковой игрой, а *системным лингвокультурным явлением*. Ее онтологический статус определяется прецедентной зависимостью от канонической пословицы, что превращает каждый акт трансформации в диалог с традицией. Выявленная типология механизмов (семантическая инверсия, лексическая подстановка, контаминация, доведение до абсурда) демонстрирует высокий креативный потенциал этого диалога, позволяющий адаптировать устойчивые формулы к бесконечному разнообразию новых социальных контекстов. Ирония и пародия, лежащие в основе механики деконструкции, выполняют не деструктивную, а критически-аналитическую функцию, позволяя сообществу переоценивать устоявшиеся нормы, сохраняя при этом саму форму культурной памяти.

Парадоксальным образом, именно через деконструкцию и подрыв безусловного авторитета традиционной паремии происходит *укрепление и актуализация групповой идентичности*. Как показал анализ, антипословица создает общее символическое пространство для тех, кто разделяет иронический взгляд на реалии современности, выступая эффективным маркером поколенческой, профессиональной или субкультурной принадлежности. Этот процесс проявляется в цифровой среде, где антипословицы, циркулируя в формате мемов, становятся ядром актуального фольклора, инструментом коллективного смыслопорождения и социальной солидарности. Использование

антипословиц в публицистическом дискурсе, где они служат для «привлечения внимания к проблеме, выражения своего отношения более наглядно, принесения изюминки в авторский стиль» [2, с. 118], лишь подтверждает их мощный консолидирующий и экспрессивный потенциал.

Таким образом, антипословица выполняет роль *чуткого индикатора социокультурных трансформаций*. Она фиксирует сдвиги в системе ценностей, изменения социальных практик и появление новых актуальных тем.

Исследование англо-американских антипословиц на брачную тематику, например, выявило, как в них «происходят гендерно-ролевые смещения» и сохраняется «модель маскулинного видения мира» [3, с. 75], отражая непрекращающийся диалог о семейных ролях в современном обществе. Через игру с паремиологическим каноном общество рефлексивизирует над собственным развитием, интегрируя новые смыслы в устойчивый культурный нарратив.

Перспективы дальнейшего исследования феномена антипословицы видятся в нескольких направлениях. Во-первых, представляет интерес *углубленное изучение антипословиц в рамках конкретных дискурсивных сообществ* (корпоративная среда, профессиональные сообщества, интернет-субкультуры), что позволит детальнее описать механизмы конструирования микрогрупповой идентичности. Во-вторых, необходимы исследования *идеологического потенциала* антипословиц, их роли в поддержании или, напротив, размывании определенных мировоззренческих установок, включая гендерные, политические и этнические стереотипы. В-третьих, исключительную ценность имеет *сравнительный кросскультурный анализ*, аналогичный исследованию функционирования антипословиц в русских и английских газетных текстах [4], но расширенный на материале иных лингвокультур. Такие исследования позволят выявить универсальные и специфические черты этого феномена, глубже понять законы эволюции паремиологического фонда в мире.

В итоге, антипословица предстает не как симптом кризиса или упрощения культуры, а как доказательство её *живой динамики и адаптивности*. Она является тем необходимым механизмом, который позволяет традиции оставаться релевантной, а идентичности – устойчивой в условиях постоянных изменений, обеспечивая непрерывный и критически осмысленный диалог между прошлым и настоящим.

Благодарности. Работа выполнена за счет гранта, предоставленного Академией наук Республики Татарстан образовательным организациям высшего образования, научным и иным организациям на поддержку планов развития кадрового потенциала в части стимулирования их научных и научно-педагогических работников к защите докторских диссертаций и выполнению научно-исследовательских работ (Соглашение от 22.12.2025 № 12/2025-ПД-КФУ).

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.
3. Борисова Е.Г. Лингвистические основы изучения языковой игры // Филологические науки. 1996. № 5. С. 43–52.

4. *Деррида Ж.* Письмо и различие. СПб.: Акад. проект, 2000. 432 с.
5. *Жигарина Э.М.* Паремия как феномен языкового сознания и культуры: моногр. Волгоград: Перемена, 2006. 210 с.
6. *Зыкова И.В.* Английские пословицы и их русские аналоги: когнитивно-дискурсивный аспект // Вестник Московского университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 4. С. 34–42.
7. *Маслова В.А.* Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2001. 208 с.
8. *Пермяков Г.Л.* Основы структурной паремиологии. М.: Наука, 1970. 240 с.
9. *Санников В.З.* Русский язык в зеркале языковой игры. 2-е изд., испр. и доп. М.: Языки славянской культуры, 2002. 552 с.
10. *Селиверстова Е.И.* Антипословица как лингвокреативный акт: механизмы деформации исходного паремиологического образца // Когнитивные исследования языка. 2020. № 2 (41). С. 457–463.
11. *Селиверстова Е.И.* Пространство русской пословицы: постоянство и изменчивость. 2-е изд. М.: ЛЕНАНД, 2017. 296 с.
12. *Хотияйнен О.А., Филимонова Н.В.* Антипословицы в современном публицистическом дискурсе: функции и прагматика // Медиалингвистика. 2018. № 5. С. 115–129.

Источники

Даль В.И. Пословицы русского народа: сборник: в 2 т. М.: Художественная литература, 1984.

ANTI-PROVERBS AS A MECHANISM OF CULTURAL REFLECTION: PLAYFUL DECONSTRUCTION AND STRENGTHENING OF IDENTITY

A.R. Nurutdinova

Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan

The article examines the phenomenon of anti-proverbs – creative transformations of classical proverbs – as a significant mechanism of cultural reflection. The author considers the anti-proverb as a form of language game that carries out the deconstruction of traditional meanings and norms. It is proven that through irony and parody, this phenomenon not only questions established maxims but also participates in the actualization of the cultural code. Paradoxically, playful reinterpretation contributes to the strengthening of group identity by creating a space for collective discussion and reassessment of values in a changing society.

Key words: anti-proverb, cultural reflection, language game, deconstruction, proverbial fund, collective identity, tradition and innovation.

Acknowledgments: This publication was funded by a grant from the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan provided to higher education institutions, scientific and other organizations to support human resource development plans in terms of encouraging their research and academic staff to defend doctoral dissertations and conduct research activities (Agreement No. 12/2025-PD-KFU dated December 22, 2025).